

Л.В. СОФРОНОВА¹, А.В. ХАЗИНА¹

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

ЯЗЫК ДРУЖБЫ В ПИСЬМАХ ЭРАЗМА СЕРВАТИУ РОГЕРУ

Аннотация. Авторы анализируют ряд писем нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского (1487-1488 гг.) в первый год его пребывания в монастыре Стейн. Послания адресованы земляку Эразма молодому монаху той же обители Серватию Рогеру. Авторы статьи изучают возможность интерпретации данных текстов с трех точек зрения: как неких образцов эпистолярного искусства; как возможного проявления гомосексуальной модели поведения молодого Эразма; как свидетельства о сентиментальной мужской дружбе, присущей монашеской средневековой культуре и традиции *devotio moderna*. Источники позволяют поставить вопрос о роли риторических стандартов при описании эмоционального состояния, адекватно судить о взглядах Роттердамца на дружбу, любовь, их соотношение. Авторы предлагают первый русский перевод одного из писем Эразма Серватию Рогеру.

Ключевые слова: Эразм Роттердамский, монастырь, дружба, любовь, эпистолярные источники, риторика, гомоэротизм, Серватий Рогер, эмотивный тезаурус.

L.V. SOFRONOVA¹, A.V. KHAZINA¹

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

THE LANGUAGE OF FRIENDSHIP IN THE ERASMUS' LETTERS TO SERVATIUS ROGERUS

Abstract. The authors analyze early letters of the Dutch humanist Erasmus Roterodam (1487-1488) in the first year of his stay in the monastery of Steyn. The Epistles addressed to his fellow countryman and the young monk of the same monastery Servatius Roger. The authors explore the possibility of interpretation this texts from three points of view: as some samples of epistolary art; as some patterns of homosexual behaviours of the young Erasmus; as evidence of sentimental masculine friendship phenomenon inherent in the medieval monastic culture and tradition of *devotiomoderna*. The letters allow the authors to put the question of the role of rhetorical standards in describing the emotional experiences as well as to analyze Erasmus' views on friendship, love, regulations of everyday life and their interrelations. The first Russian translation of one of the Erasmus-Servatius correspondence is given in the issue.

Keywords: Erasmus Roterodam, monkhood, friendship, love, epistolary sources, rhetoric, homoeroticism, Servatius Roger, emotive thesaurus.

Частные письма более других источников личного происхождения способны представить человека в определенный момент его жизни со всеми его переживаниями и попечениями, в узле его личных и общественных связей. Данное обстоятельство и обусловило наш первоначальный интерес к эпистолярному наследию нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского (1466-1536) в целом [19] и, в частности, к его ранним письмам, адресованным молодому монаху монастыря Стейн Серватию Рогеру (ум. 1540). Переписку с Серватием составляют эпистолы №№ 4-9, 11, 13, 15 в фундаментальном издании П.С. Аллена [1]. Послания не публиковались при жизни Эразма и впервые увидели свет только в XVII в. Однако подлинность переписки не оспаривается учеными. Другим побудительным мотивом обращения к данным эпистолам стала возможность при

интерпретации их содержания включиться в исследовательское поле актуального сейчас в гуманитаристике междисциплинарного направления, касающегося истории эмоций [18].

Как и Эразм, Серватий Рогер был родом из Роттердама и к 1487 г. – времени поступления в обитель двадцатилетнего гуманиста – уже принял монашество [12; p. 167]. О знакомстве и общении с новыми друзьями Эразм сообщал своему брату Питеру, незадолго до этого принявшего постриг в монастыре Сион в окрестностях Делфта (письмо № 3). Серватий в его чрезвычайно прочувствованном описании предстает человеком исключительных дарований, доброго нрава и весьма увлеченным науками; словом, их земляк «таков, что никто не может не любить его» [1; p. 76]. Эразм предполагает, что Питер, едва познакомившись с Серватием, предпочтет того своему родному брату. Вероятно, по вступлении в монастырь Эразм оказался в кругу молодых монахов и послушников, с которыми он делил радость совместных гуманистических штудий.

Письмо 4, перевод которого приводится в Приложении, свидетельствует об изменившейся каким-то образом ситуации и невозможности, в силу этого, личных встреч Эразма и Серватия. В качестве утешения Эразм предлагает другу начать переписку. Текст этого письма эмоционально слабо окрашен, хотя содержит пассажи, намекающие на взаимную привязанность автора и адресата [1; p. 77]. Ответ Серватия утрачен, вероятно, он был довольно сдержанным. Поэтому в письме 5 Эразм ищет объяснения произошедшей перемене, высказывая предположение, что Серватий не убедился еще в его «величайшей любви». Выражения становятся более страстными, Эразм утверждает, что Рогер дороже для него, чем собственная жизнь, и величайшим наслаждением для автора было бы «радоваться и грустить, жить и умереть» с другом [1; p. 78-79]. Он просит об искреннем ответе, но Серватий не отвечает, и в письме 6 гуманист вновь умоляет об общении. Серватий хранит молчание, и Эразм чувствует себя преданным (письмо 7): «Какими еще призывами, какими еще мольбами, какими слезами я мог бы тронуть тебя? Но ты камня тверже твердейшего <...> Что это, хотел бы я спросить, мой Серватий, – черствость, упрямство, гордыня, строптивость?». Гуманист укоряет товарища в том, что отвергая любовь своего друга, тот уподобляется молодой девице, которой муки друга доставляют удовольствие, его страдания делают ее счастливой, а слезы – смешат. По словам Эразма, он не знает за собой никого греха, «если только не считать грехом любовь к другому человеку». Он заключает открытой манифестацией своей пылкой привязанности: «Ты всегда на моих устах и в моем сердце, ты моя единственная надежда, половина моей души, утешение моей жизни, <...> я никогда не перестану любить тебя» [1; p. 79-80]. Однако, несмотря на восторженную аффектацию Эразма, Рогер по-прежнему безмолвен. Напряженность переживаний нарастает крещендо в следующем письме (№8): «Теперь я дошел до крайности, подавлен такой тоской, измучен такими слезами, что уже возненавидел эту ужасную жизнь и не раз молил о смерти». Ночи тягостны, сон не приносит отдохновения, вся пища стала безвкусной, литературные занятия вызывают отвращение. Он рисует портрет измученного от неразделенной любви молодого человека: угрюмое выражение лица, бледность, подавленный взгляд. «Увы, – восклицает Эразм, – ничто не тронуло Серватия!» Он вновь упрекает того в обмане и жестокости: «Ты безжалостнее тигрицы <...> Послушай, ты безумный человек, если так легко всё отвергаешь <...> Ведь даже самые жестокие звери испытывают чувство любви» [1; p. 81-82]. Наконец, Серватий отвечает довольно дружелюбно и опровергает обвинения (письмо не сохранилось). В ответной эпистоле Эразм, вдохновившись, с радостью пишет о своих эмоциях и переживаниях. Он наслаждается стилем и содержанием послания Серватия: «Как сладок его язык, как приятны [выраженные в нем] чувства. Все в нем отдает страстью и самой настоящей любовью» [1; p. 83]. Однако вскоре послушник навлек на себя и товарища по переписке недовольство старших братьев монастыря [1; p. 85; письмо 11], узнавших об их отношениях от кого-то из близких Эразму людей: в письме 12, адресованном Франциску Теодориху, автор пишет о том, что когда «поднялся такой шум, небезопасно доверять даже самым преданным друзьям» [1; p. 85]. В послании 13 Роттердамец, вероятно, в ответ на

выговор Серватия, удрученного случившимся скандалом, пытается утешить его [1; p. 85-86]. В конце концов, Эразм был вынужден удовольствоваться не столь страстными отношениями. Поставив себя в положение наставника, он начинает давать другу советы относительно литературных занятий. Этой позиции ментора Эразм придерживался и в дальнейшей переписке с Серватием и другими товарищами (письма 15, 16).

На наш взгляд, возможны, с разной степенью обоснованности, три варианта интерпретации данных текстов. Прежде всего, послания Серватию могут представлять собой не реальные письма, а некие формулы дружеских писем, эпистолярные упражнения на тему дружбы, которые выполняли Эразм и его друзья с целью практиковаться в латинской риторике. Подобная трактовка посланий 4-9 присуща П.С. Аллену, издателю *Opusepistolarum* Эразма, а также современным издателям английской Эразмианы [10; 3; p. 6]. Обращает на себя внимание стиль писем: выпренность слога, вычурность, риторическая тяжеловесность, обилие цитат из столь любимой Эразмом латинской поэзии (сочинений Овидия, Горация, Теренция). Стилистически эти послания близки ранним стихам Эразма (№№ 5-8), которые, в свою очередь, находятся под прямым влиянием и обаянием «Буколик» Вергилия с их традиционными мотивами неразделенной любви, дружескими обращениями [2; p. 119; 7; с. 241]. Таким образом, эпистолы Серватию могут являться также прозаическими упражнениями в подражании Вергилию. Мотивация этих посланий заключается только в *imitatio*.

В последние годы в медийной западной культуре, в исследованиях по истории гомосексуализма в Западной Европе предпринимаются настойчивые попытки обнаружить в переписке Эразма гомосексуальную модель поведения [8; 16]. Британский историк Д. Мак Каллох в своих исследованиях по истории западноевропейского христианства подчеркивает гомозротический характер переживаний молодого Эразма и настаивает на любовном характере его переписки с Серватием [14; p. 595]. Если признать послания 4-9 реальными письмами, содержащими описание чувств и переживаний молодого гуманиста, то перед исследователями встает непростая проблема: как корректно соотнести их с традиционным образом Эразма. Неудивительно, что биографы, как правило, обходили их молчанием [9; 13; 20].

При очевидной допустимости такой трактовки писем Рогеру, нам представляется необходимым привести ряд аргументов в ее опровержение. Во-первых, в трактате «О способе обучения» (1512) Эразм дает негативную оценку гомосексуальных связей: на примере толкования второй эклоги Вергилия (о страсти Коридона к юноше Алексису) Эразм подсказывает учителю, как надо объяснять эти стихи, чтоб не навредить чистым душам учеников. И тогда «ничто непристойное не войдет в сознание слушателям, если только кто-либо не пришел уже развращенным. То есть он эту заразу подхватил не здесь [в процессе занятий], но сюда с собой принес» [4; p. 117]. Во-вторых, в трактате «*Deconscribendisepistolis*» Эразм приводит примеры любовных писем, однако автором таких писем всегда выступает мужчина, а адресатом – женщина [5; p. 151-579]. Отметим попутно, что такие эпистолы он считает неблагородными, по сравнению с высокими дружескими посланиями. В-третьих, Эразм как человек, выросший в лоне христианской традиции, не мог не знать об отношении церкви к гомосексуальности как к содомскому греху. При этом в своей симпатии к Серватию, как уже говорилось ранее, он не видит греха, настаивает на том, что не требует от друга ничего, «противного добродетели». К тому же, античные источники его представлений о дружбе (книга 8 «Никомаховой этики» Аристотеля, трактат «О дружбе» Цицерона) также настаивают на том, что истинная, совершенная дружба нравственно-прекрасна, основана на добродетели, а «плотские наслаждения есть удел диких животных» [6]. Полагаем, что подобные христианские и античные ассоциации, включаясь в ренессансный контекст, несомненно, препятствовали слиянию гомосексуальных отношений и дружбы.

Интерпретация переписки Эразма и Рогера именно в контексте маскулинной дружбы представляется наиболее адекватной. Трудно отрицать очевидное – эмоциональный тезаурус посланий Рогеру имеет чрезвычайно чувственный характер. Но, как указывается в исследованиях по истории дружбы, в подобных выражениях описывались многие средневековые и ренессансные дружбы. Так, в монастырских обителях, в общинах *devotiomoderna*, являвшихся закрытыми мужскими сообществами, существовала традиция составления любовных писем, нежных стихов ученикам, коллегам и даже незнакомым людям [17; гл. 4]. Ее бытование объясняется не только приверженностью духовных лиц к литературному творчеству, но и потребностью в эмоциональном тепле, психологической (не телесной) интимности [8; p. 214-237]. Возможно, у современного читателя «любовная» лексика таких источников вызывает определенные гомоэротические ассоциации, что отнюдь не означает, что и получатели таких писем и поэтических опусов были того же мнения. Здесь уместно сослаться на мнение американского историка Алана Стюарта, констатирующего «современное гейское присвоение мужской *amicitia*», указывающего на анахронистическую идентификацию гомосексуальности и мужской дружбы [15; p. 123-124]. При всей их близости, последняя была свободна от гомосексуального подтекста. Выражение эмоций в рамках мужской дружбы регулировалось определенными канонами, и нежные слова, ласковые имена могли иметь чисто риторический характер. В любом случае, эмотивные особенности подобных текстов и моделей поведения должны исследоваться в контексте современных им духовных, социальных, интеллектуальных и гендерных практик.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эразм Роттердамский приветствует Серватия, самого искреннего своего друга!¹

Мой милейший Серватий, вижу, что ты совершенно здоров, и это для меня тоже составляет немалое удовольствие, и я не могу не поздравить тебя, хотя и не совсем друга, однако очень дорогого для меня человека, с таким благополучным исходом. Однако одно, поверь, я не лгу, меня, несчастного терзает – то, что ты еще недугуешь долгим забвением очень любящего тебя Эразма. И, клянусь любовью богов, если эти очень немногие дни, когда я был лишен общения с тобой, не показались мне длиннее целого года, изнузив меня такой болью, истомив такими рыданиями, что я уже возненавидел эту ужасную жизнь и не единожды молил о смерти. В то время ночные бдения были мучительны, сон не приносил отдохновения, любая пища стала безвкусна, даже литературные штудии, некогда бывшие единственным утешением жизни, вызывают отвращение. Я уже дошел до того, мой Серватий, что если я один, без тебя, то нет ничего, что могло бы разогнать тревоги моего сердца, что могло бы развеселить. Даже сам угрюмый вид, бледность лица, подавленный взгляд, если бы ты обратил на это внимание, легко могли указать тебе на глубокие страдания души. Но ты – тигрицы безжалостнее, так легко не замечаешь всего этого, как если б спасение твоего Эразма тебя ничуть не касалось. Увы, безжалостная надменность! Увы, безумный человек! Ведь чувство любви испытывают даже самые свирепые звери, они любят тех, кто их любит, забывая свойственную им от природы свирепость. Примеров этому – без числа, но из многих я приведу один. Авторы сообщают, что некий юноша воспитал змею,

¹ Это письмо № 8 в нумерации в издании *Opus epistolarum* [1. p. 81-83]. Выбор данного послания продиктован тем обстоятельством, что оно, на наш взгляд, является ключевым в переписке Эразма и его друга. Будучи написанным в момент наиболее сильных переживаний гуманиста, письмо указывает на их причину – изменение отношения к нему Серватия и молчание последнего. Лексически и тематически оно близко стихотворениям Эразма (№ 5-8), что позволяет поставить вопрос о роли риторических стандартов при описании эмоционального состояния и наиболее адекватно судить о взглядах Роттердамца на дружбу, любовь, на проблему их соотношения и корреляции нормативных положений в повседневной жизни.

которая была его любимицей. Но когда змея выросла, он отвел ее далеко в лес и там оставил, опасаясь природной свирепости и силы зверя. Однако много лет спустя случилось так, что проезжая по дикому пустынному месту, он попал в руки разбойников. Увидев, что гибель неминуема, человек громко закричал. Змея, услышав крик, узнала голос своего давнего кормильца. Она немедленно поспешила на помощь и спасла юношу от жестоких разбойников. Вот, мой Серватий, змеи, львы, собаки любят тех, кто их любит; как же ты презираешь того, кто умирает от любви к тебе? Почему то, что трогает диких зверей, тебя – человека, и притом, молодого, – не может затронуть? Должно быть, есть нечто, чем ты себя оправдываешь: будто я требую от тебя что-то тягостное, что-то трудное, что-то противное добродетели. Но ты доподлинно знаешь, о чем я тебя молю, и этого я у тебя столь жалко, но упорно добиваюсь не как одолжения и не из желания какой-либо выгоды. В чем же дело? Только люби того, кто любит тебя. Что может быть легче этого, что может быть приятнее, что более этого подобает благородной душе? Только, повторяю, люби, и довольно с меня.

Впрочем, мне совсем не безызвестно, что ты намерен возразить мне на это – то же самое, что ты обычно говоришь: «Что же ты хочешь? Зачем ты тревожишь меня? Разве кто-то тебя избегает, или презирает, разве кто-то ненавидит?» Пожалуй, вполне достойные слова, мой Серватий, если бы только твои дела могли заставить им поверить. Однако на них я мог бы откровенно сказать, что заставляет меня страдать, если ты сможешь спокойно выслушать меня. Ты убиваешь меня своим притворством и пренебрежением; ты понимаешь, что я имею в виду? Есть ли что более далекое от настоящей дружбы? Хочешь, я здесь могу напомнить тебе свойства истинной любви. Прежде всего, это то, что все друзья испытывают взаимное расположение; то, что один ничего не скрывает от другого; и охотно ему помогает; если один радуется, другой разделяет его радость; когда один страдает, второй сострадает; они оба должны полагать, что всякую мысль, всякое намерение и, наконец, ход жизни следует поверять друг другу. Вот каковы признаки настоящей любви. А теперь, мой Серватий, умоляю, рассуди, может чего-то из этого в тебе не хватает? По моему мнению, кое-чего недостает определенно, но ты, вероятно, думаешь иначе. Однако нет ничего удивительного в том, что я – всего лишь человек – мог ошибаться, особенно в отношении меня самого. То есть, если от меня исходит вина, если во мне есть что-то, что тебе не нравится, почему ты не скажешь мне это открыто, как принято у друзей? Несомненно, я всецело готов исправить это, что бы это ни было. Почему ты мучаешь меня, то выказывая расположение ко мне, то пренебрегая мною? Но зачем я попусту об этом напоминаю? Как будто ты на самом деле можешь измениться благодаря этому письму, ты, которого прежде никакие другие письма, даже слезы, не смогли изменить. Может быть, ты будешь смеяться, в то время как я говорю о слезах; о нет, право же, ты не сделаешь так, если это дело дорого для тебя в той же мере, как и для меня. Возможно, тебе кажется неправильным или смешным то, что я переносу это так тяжело. В тебе одном я полагаю всю мою надежду, всю жизнь, все утешение души; я стал всецело твоим, ничего своего у меня не осталось. А ты, к моему несчастью, так жестоко отдаляешься от меня, так упрямо бежишь, тем более что тебе неизвестно мое малодушие, которое, если не имеет на что опереться и чем успокоиться, изнуряет меня такими рыданиями, что жить становится тягостно. Призываю в свидетели Бога и этот милый небесный свет, сколько раз бывало, что как только в сердце возникает твой образ, внезапно из глаз начинают литься слезы. Даже это письмо, поверь мне, нельзя было написать без многих слез, до такой степени моя душа не может переносить наш разлад. Прошу, мой сладчайший Серватий, посмотри, какая скорбь гнетет меня; и если есть в тебе благородство души, наконец-то пощади меня, о нет, напротив, самого себя!

Но зачем я вновь возвращаюсь к лести и мольбам? Знаю же, что ты почти ничего не намерен слушать, и еще меньше – делать. Уже давно ты стал глух, ожесточился сердцем. Зачем я вновь выпрашиваю? «Тяжко. Но перенести легче с покорностью то, что нам изменить нельзя». Однако этой моей ране терпение ничем не помогает, ничего не дает и течение времени. Тот, кто может принести исцеление, кто в состоянии очень легко обратиться

скорби в радость, а слезы – в смех, это ты один. Поэтому, мой милейший Серватий, если я не могу добиться от тебя той дружбы, которой бы я впредь более всего желал, то, пожалуйста, пусть между нами будет обычное повседневное общение; если ты считаешь, что мне и в этом следует отказать, то не остается причин, чтобы мне хотеть жить дальше. Прошу, как можно быстрее извести меня в письме, какое мнение сложилось у тебя обо всем этом, причем, сделай это искренне, а не притворно, по твоей давней привычке. Прощай, единственная надежда моей души.

Стейн, 1487 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Erasmus Desiderius. *Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami* / Ed. P. S. Allen, H. M. Allen, H. W. Garrod. Vol. I. Oxford: The Oxford University Press, 1906.
2. Erasmus Desiderius. *The poems of Desiderius Erasmus* / Ed. and trans. D. C. Reedijk. Leiden: Brill, 1956.
3. Erasmus Desiderius. *The Correspondence of Erasmus: Letters 1 to 141, 1484-1500* / *The Collected Works of Erasmus*. Vol. 1. Toronto: The University of Toronto Press, 1974.
4. Erasmus Roterodami *De ratione studii ac legendi interpretandique auctores* // *Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami, recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata*. Ordo 1. T. II. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1971, pp.110-119.
5. Erasmus Desiderius. *De conscribendis epistolis* // Erasmus Desiderius. *Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami, recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata*. Ordo 1. T. II. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1971, pp.151-579.
6. Cicero. *De amicitia* / Ed by H.E. Gould, J.L. Whiteley. Mundelein (Illinois): Bolchazy-Carducci Publisher, 1983.
7. Эразм Роттердамский. Стихотворения. Иоанн Секунд. Поцелуи / Пер. с лат. Ю.Ф. Шульца. М., 1983.
8. Ailes M.J. *The Medieval Male Couples and the Language of Homosexuality* // *Masculinity in Medieval Europe* / Ed. by D.M. Hadley. London: Longman, 1999.
9. Allen P.S. *The Age of Erasmus*. Oxford: The Clarendon Press, 1914.
10. Allen P.S. *The Letters to Servatius, Francis, and Sasboud*. Appendix III // Erasmus Desiderius. *Opus epistolarum*. Vol. I, pp. 584-586.
11. Bray A. *Homosexuality in Renaissance England*. London: Gay-Men's Press, 1982.
12. *Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation*. Vol. 3. – Toronto: The University of Toronto Press, 1987.
13. Hyma A. *The Youth of Erasmus*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1930.
14. MacCulloch D. *A History of Christianity: The First Three Thousand Years*. London, 2009.
15. Stewart A. *Close Readers: Humanism and Sodomy in Early Modern England*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
16. Stevens F.T. Erasmus's "Tigress": The Language of friendship, Pleasure and the Renaissance Letter // *Queering the Renaissance* / Ed. by J. Goldberg. Durham NC: Durham University Press, 1992. P. 124-140.
17. Кон И.С. *Дружба. Этико-психологический очерк*. 4-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
18. Николай Ф.В., Хазина А.В. *История эмоций и «аффективный поворот»* // *Диалог со временем*. 2015. № 50. С. 97-115.
19. Софронова Л.В., Хазина А.В. *Ренессансный ученый в интеллектуальных и социальных практиках (по переписке Джона Колета и Эразма 1512-1513 годов)* // *Интеллигенция и мир*. 2014. № 3. С. 105-122.
20. Хейзинга Й. *Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009.

REFERENCES

1. Erasmus Desiderius. *Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami* / Ed. P. S. Allen, H. M. Allen, H. W. Garrod. Vol. I. Oxford: The Oxford University Press, 1906.
2. Erasmus Desiderius. *The poems of Desiderius Erasmus* / Ed. and trans. D. C. Reedijk. Leiden: Brill, 1956.
3. Erasmus Desiderius. *The Correspondence of Erasmus: Letters 1 to 141, 1484-1500* / *The Collected Works of Erasmus*. Vol. 1. Toronto: The University of Toronto Press, 1974.
4. Erasmus Roterodami *De ratione studii ac legendi interpretandique auctores* // *Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami, recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata*. Ordo 1. T. II. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1971, pp. 110-119.
5. Erasmus Desiderius. *De conscribendis epistolis* // Erasmus Desiderius. *Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami, recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata*. Ordo 1. T. II. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1971, pp. 151-579.
6. Cicero. *De amicitia* / Ed by H.E. Gould, J.L. Whiteley. Mundelein (Illinois): Bolchazy-Carducci Publisher, 1983.
7. Jerazm Rotterdamskij. *Stihotvorenija. Ioann Sekund. Pocelui* [Johannes Secundus. Kissing] ю Trans. by Y.F. Shults. Moscow, Nauka Publ., 1983. (In Russian)
8. Ailes M.J. *The Medieval Male Couples and the Language of Homosexuality* // *Masculinity in Medieval Europe* / Ed. by D.M. Hadley. London: Longman, 1999.
9. Allen P.S. *The Age of Erasmus*. Oxford: The Clarendon Press, 1914.
10. Allen P.S. *The Letters to Servatius, Francis, and Sasboud*. Appendix III // Erasmus Desiderius. *Opus epistolarum*. Vol. I, pp. 584-586.
11. Bray A. *Homosexuality in Renaissance England*. London: Gay-Men's Press, 1982.
12. *Contemporaries of Erasmus: A biographical register of the Renaissance and Reformation*. Vol. 3. Toronto: The University of Toronto Press, 1987.
13. Hyma A. *The Youth of Erasmus*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1930.
14. MacCulloch D. *A History of Christianity: The First Three Thousand Years*. London, 2009.
15. Stewart A. *Close Readers: Humanism and Sodomy in Early Modern England*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
16. Stevens F.T. Erasmus's "Tigress": The Language of friendship, Pleasure and the Renaissance Letter // *Queering the Renaissance* / Ed. by J. Goldberg. Durham NC: Durham University Press, 1992. P. 124-140.
17. Kon I.S. *Druzhba. Etiko-psihologicheskij ocherk* [The Friendship. Ethico-psychological essay]. 4th ed. St. Petersburg: Peter Publ, 2005. (In Russian)
18. Nikolai F.V., Khazina A.V. *Istoriya emotsiyi «affektivnyy povorot»* [History of Emotions and "Affective Turn"]. *Dialog so vremenem*, 2015, no. 50, pp. 97-115. (In Russian)
19. Sofronova L.V., Khazina A.V. *Renessansnyy ucheniy v intellektualnykh i sotsialnykh praktikakh (poperepiske Dzhona Koletai Erazma 1512-1513 godov)* [Renaissance scientist in intellectual and social practices (on correspondence between John Kolet and Erasmus in 1512-1513)]. *Intelligentsiya i mir*, 2014, no. 3, pp. 105-122. (In Russian)
20. Huizinga J. *Kul'tura Niderlandov v XVII veke. EHrazm. Izbrannyye pis'ma. Risunki* [The Culture of the Netherlands in the seventeenth century. Erasmus. Selected letters. Drawings]. St. Petersburg: Ivan Limbah's Publ., 2009. (In Russian)

© Софронова Л.В., Хазина А.В. 2015

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Софронова Лидия Владимировна – доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: Lidiasof@yandex.ru.

Хазина Анна Васильевна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: Annh1@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sofronova Lydia Vladimirovna – Doctor of History, professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhni Novgorod, Russian Federation, e-mail: Lidiasof@yandex.ru.

Khazina Anna Vasilievna – PhD in History, Head of the Department of General History and Classical Disciplines and Law, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhni Novgorod, Russian Federation, e-mail, e-mail: Annh1@yandex.ru.